

О ЧЕМ МОЛЧАТ МОГИЛЫ

Рассказ

*Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,
и ничего не бывает потаенного,
что не вышло бы наружу.*

Евангелие от Марка, 4:22

Свет моргнул и погас.

В третий раз за день.

Кондиционер смолк, системный блок компьютера последовал его примеру. В кабинете стало тихо.

Лена беззвучно выругалась, зажмурила глаза и занесла кулак над столом, решая, кто больше виноват в том, что она не сохранила файл: мышка, клавиатура или дурацкая китайская кошка, без устали махавшая лапкой. Рассудив, что уничтожение любого из виновных не вернет утраченные килобайты, женщина шумно выдохнула и с укором посмотрела в погасший монитор. Рука безвольно рухнула на крышку стола, из груди вырвался стон.

Лена полагала, что три отключения за четыре часа – это слишком. Она встала из-за стола, прошлась по кабинету, выглянула в окно. Июльское полуденное солнце стояло в зените, удлинняя красные полосы на столбиках термометров, загоняя жителей и бездомных животных в тень. По улицам лениво тащились автомобили. Где-то вдалеке вспыхнул вой полицейской сирены.

Чтобы чем-то себя занять, Лена взяла мобильный телефон и стала просматривать новостную ленту.

Внезапно раздавшийся телефонный звонок заставил её вздрогнуть.

Часы показывали четверть второго. Обеденный перерыв, можно было не отвечать.

Аппарат не унимался.

Лена вздохнула и потянулась к трубке.

- Похоронное бюро «Никольское», Зацепина Елена, слушаю вас.

- Здравствуйте, – приятный мелодичный голос принадлежал, вероятно, молодой девушке.

- Добрый день.

- У нас могила обвалилась, - сказала девушка.

- Это отдел кадров, - ответила Лена. – Вам нужно позвонить в отдел по работе с клиентами по номеру...

- Помогите, пожалуйста, - словно не расслышав, продолжала собеседница.
– У нас могила обвалилась.

- Девушка, я вам объясняю, я не занимаюсь этими вопросами. У меня кадры. А вам надо...

- Ну, пожалуйста, - умоляла девушка. – Я только вам смогла позвонить. Помогите. Могила обвалилась. Ваши люди рядом копали, и она обвалилась.

Вздыхнув, Лена взглянула на часы. Народ с обеда вернется не раньше, чем через тридцать минут.

- Ладно, - сдалась она, - вы у нас обслуживались?

- Нет. Просто ваши люди копали...

- Откуда вы знаете, что это наши?

Молчание.

- Кладбище... - вздохнув, сказала Лена. – Кладбище какое?

- Красносельское. Наши могилы с южной стороны, номера мест не знаю, но вы увидите. Могила обвалилась.

- Ваши... - рассеянно произнесла Лена, записывая данные на желтый стикер. – Угу. Ваших родителей? Бабушка, дедушка? Кто там? Фамилии?

- Могилы с южной стороны, - повторила девушка. – Вы увидите. Помогите, пожалуйста.

И отключилась.

Лена некоторое время вслушивалась в короткие гудки на другом конце провода и даже зачем-то дунула в трубку. Затем вернула её на аппарат.

Кондиционер заработал.

После обеда Лена занесла стикер в клиентский отдел и посчитала свой долг выполненным.

***

Лена Зацепина, кадровик с двенадцатилетним стажем, к тому же человек педантичный и аккуратный, всегда тщательно прибиралась на рабочем месте, поэтому желтый стикер со сделанными накануне записями увидела сразу, как вошла в кабинет утром. Он был приклеен посреди стола, уголки слегка загнулись кверху, в нижней части карандашом было написано «Там мест нет».

Лена переклеила стикер на монитор и набрала номер отдела по работе с клиентами.

- Тань, что значит «мест нет»? – с ходу спросила она, когда услышала голос ответившей сотрудницы.

- И тебе доброе утро, Лен, - парировала Таня. – Это значит, что южная сторона Красносельского давно занята, там уже несколько лет не хоронят.

- И что?

- А то, что наши не могли там копать. Ты ошиблась. Или тот, кто тебе звонил, - она помолчала. – Может, кладбище другое?

- Да нет... - неуверенно начала Лена. – Вроде про Красносельское шла речь. Блин.

- Уточни, - посоветовала коллега.

- Да я не могу уточнить, - пробормотала Лена. – Они номер не оставили... И вообще! – вдруг вспыхнула она, - Какого черта я этим должна заниматься?! Ваша работа! Участок не мой!

Она бросила трубку, сорвала листок с монитора, скомкала его и швырнула в мусорное ведро. Сразу зазвонил телефон.

- Тань, прости, - начала она, - что-то я погорячилась...

- Вы не помогли, - услышала она голос вчерашней собеседницы. – Помогите, пожалуйста. Могила совсем обвалилась.

- Ой, - осеклась Лена. – Да, девушка, здравствуйте! Вы знаете, наверное, произошла ошибка... Мы не нашли, кто бы мог копать на Красносельском. Вы уверены насчет кладбища?

- Да, с южной стороны. Места я не знаю...

- Я помню это, да, - сказала Лена, потирая лоб. – Но там не хоронят уже давно. Там не должны были копать.

- Ваши там копали, я знаю. Могила обвалилась, - настаивала собеседница. Голосок звучал неизменно мелодично и звонко. «Сколько ей лет? - подумала Лена. – Двадцать? Может, меньше?».

- Я... - начала она.

- Помогите, прошу вас, - повторила девушка и положила трубку.

- Да что ж такое-то..! – воскликнула Лена, взмахнув руками.

Она покосилась на мусорное ведро. Скомканный стикер лежал на горе мятых бумаг и с укором смотрел на нее. Разве должна чья-то проблема становиться ее проблемой? «Не по окладу вопрос», - подумала Лена, но при этом в груди кольнуло так сильно, что женщина закусила губу. Только проверить, ничего больше. Наверняка, девушка ошибалась.

Лена включила компьютер и открыла списки сотрудников. Нашла нужного, взяла в руки сотовый.

- Алло, Геннадич, привет! Это Лена Зацепина, из кадров. Да, благодарность тебе вписала. Слушай! – Кто-то постучался и попытался войти в кабинет, но Лена шикнула на него, и он ретировался. – Слушай, ты ведь сегодня на Красносельском? Проверь для меня кое-что. Спасибо! Дело такое...

***

Когда Фёдор Геннадьевич перезвонил, у него, как водится, было две новости: плохая и хорошая.

Хорошая заключалась в том, что землекопы действительно в последнее время ничего не копали на Красносельском кладбище, тем более в южной части, давно занятой. Значит, «Никольское» было не при делах. Баба с возу, как говорится. Плохой новостью стало то, что каких-либо осыпавшихся могил на кладбище Геннадич не нашел.

- Да как так-то? – вопрос Лены был явно риторическим, но смотритель посчитал нужным ответить.

- Дочка, а это наше ли Красносельское?

- Ну... - женщина замялась. – Я думаю да. Разве есть какое-то ещё?

- Имеется одно, - Лена представила, как Геннадич при этом разглаживает свои пышные, белые, как первый снег, усы, и хитро щурится. – Зброшенное. Это оно Красносельское. Наше-то было Новое, когда здесь хоронить начали. А когда то забросили, название и перекочевало.

- Ничего не понимаю, - сказала Лена. – Значит, Красносельских два?

- И да, и нет, - засмеялся смотритель. – Настоящее – старое. А это уже по привычке стали называть. Новое-то по эту сторону села, ближе к городу. А то – за селом, между холмов, в распадке. Там мой дед с бабкой лежат. Туда и дороги, наверное, нет уже, я тыщу лет не бывал...

Лена пыталась найти логичное объяснение происходящему.

- Кто тогда там копал? И чья могила там обвалилась?

- Не знаю, дочка. Ошиблись, небось. Смотрителя там нету, проверить некому, - он помолчал. – Так ты, говоришь, благодарность-то мне вписала?

- Вписала, Геннадич, - рассеянно ответила Лена. – Вписала.

***

В пятницу никто, кроме Лены, засиживаться в офисе не стал.

Когда тишину разорвал телефонный звонок, она не удивилась, словно ждала его. Женщина сняла трубку, чтобы вновь услышать приятный тоненький голосок:

- Совсем-совсем могила обвалилась... Помогите, пожалуйста!

- Послушайте, девушка, - раздраженно начала Лена, - что вы мне голову морочите?! Чья могила? Какая могила?

- Моя могила, - чуть слышно произнесла собеседница, и по спине Лены побежали мурашки. Во рту пересохло, поэтому она не сразу смогла выдавить из себя хоть слово.

- Эээ... - прохрипела она наконец. – Вы кто?

- Умоляю вас, помогите! Я только вам смогла позвонить. С южной стороны, под холмом. Ваши копали, и она обвалилась. Скорее! Очень прошу! Надо поспешить!

Короткие гудки.

Лена почувствовала, что кондиционер не справляется со своей работой, потому что капли пота устроили гонки на ее спине. *Кто быстрее стечет в трусы, эгей!* И претендентов на первое место, казалось, было не меньше сотни.

Когда ощущение ватности в ногах прошло, она встала и сделала несколько кругов по кабинету. Могло ей послышаться то, что сказала девушка про могилу? Тяжелый день, куча бумажной работы, жара... Лена покосилась на кондиционер. Он явно не справлялся.

Лена села и откинулась на спинку кресла. Тайна звонившей девушки манила своей загадочностью и настойчиво требовала выяснить всё, особенно если это был чей-то жестокий розыгрыш. Любопытство никогда не было отличительной чертой Лены, но сейчас интерес, смешиваясь с чувством долга и жалостью к неизвестной обладательнице осыпавшейся могилы, образовывал гремучую смесь, бурлящую и клокочущую, способную толкнуть любую

женщину на безрассудный поступок. Лена понимала, что был только один способ всё выяснить.

- Алло, Геннадич, это Лена опять. Ты завтра можешь съездить со мной на старое кладбище?

- Ты что, дочка? Я ж на посту. Я тебе дорогу объясню. Сама и сходи.

Странно, что старик не задался вопросом, зачем ей это надо, хотя она и сама не могла себе ответить. Сердце замирало, а душа покрывалась инеем при мысли о том, что придется тащиться на заброшенное кладбище в одиночку. Позвонить бывшему мужу? Наверняка, поднимет на смех. Подруг попросить? Они трусихи почище неё, те точно откажут. Поклонником, готовым на всё ради ночи с ней, Лена не обзавелась.

Она остановилась у своего стола, опершись руками на его крышку, и вперилась взглядом в телефонный аппарат. «Откуда ж ты мне звонишь..? – мысленно спросила она таинственную собеседницу. – Оттуда ведь не звонят».

***

Субботнее утро выдалось солнечным и душным. Лена надела спортивный костюм, сложила в рюкзачок фонарик, термос с чаем, пару бутербродов и пакет огурцов с родительской дачи, соврала мужу, что идет с подругами на пикник на другой берег реки, и, выйдя на улицу, вызвала такси до Красного села.

Фёдор Геннадьевич всё толково объяснил, хотя глубоко в душе Лена надеялась на то, что его рассказ будет невнятным, и она сможет сама перед собой оправдаться, почему найти кладбище не получилось. Искать, собственно, и не пришлось. От села к погосту вела заросшая полынью и конским щавелем дорога, по которой когда-то, возможно, передвигались машины, теперь же можно было пройти только пешком, протискиваясь между зарослями травы и подныривая под низко нависающие ветви деревьев.

Лена прошла меж двух заброшенных домов, тянувшихся к небу закопченными печными трубами и, натянув рукава кофты на кисти рук, с замиранием сердца стала прокладывать себе путь в чаще из высокой, с человеческий рост, полыни, с ужасом понимая, сколько всякой живности сейчас повиснет на ней, а возможно, даже заберется под одежду. На кепку налипала противная паутина, иногда с сидящими на ней огромными пауками, некоторые из которых норовили, раскачиваясь, зацепиться за нос. Лена брезгливо смахивала их рукавами, каждый раз взвизгивая от страха.

Несмотря на ясный день и поднявшийся ветер, под деревьями было сумрачно и тихо. Два раза Лена думала, что заблудилась. В эти моменты становилось трудно различить, где проходит дорога, а где начинается лес. Однако когда тропа стала огибать первый холм (Земляничный, так его называют местные, сказал Геннадич), Лена поняла, что иначе не пройти. Слева круто вверх уходил склон холма, устланный низкорослым кустарником с мелкими ярко-розовыми цветками, а справа обрывом начинался широкий овраг, соскользнув в который можно было наверняка свернуть себе шею или, по крайней мере, сломать пару костей. Высоко в кронах деревьев затрещал дятел.

Чувство суеверного страха ни на секунду не отпускало женщину. Чем глубже она заходила в лес, тем чаще ей стало казаться, что за ней кто-то следит. Она обогнула холм и стала удаляться от оврага, когда ей померещилось, что слева, на склоне, от дерева к дереву переметнулась призрачная фигура. Сердце подскочило к гортани, ноги вросли в землю, волосы встали дыбом. Лена схватилась рукой за тонкую березку, будто в случае опасности она могла как-то её спасти, телепортировать в городскую квартиру, сделать невидимой или на крайний случай убить без мучений. Было очень опрометчиво идти сюда одной. Вообще идти сюда! Чем она только думала!?

Лена несколько минут вглядывалась в чащу, напрягая всё свое зрение, но напрасно. Над розовыми цветками неизвестного кустарника кружили бабочки и пчелы, изредка с дерева срывался лист и плавно пикировал вниз; ничто больше не нарушало этой идиллии.

Постепенно дыхание пришло в норму, и Лена смогла разжать пальцы, отметив, что под ногти набился белый налет с березовой коры. Маникюр у нее был запланирован на следующую пятницу. «Если я до неё доживу», - мелькнула мысль.

- Кто здесь? – робко спросила она.

Дятел ответил треском, напоминая скрип старых проржавевших дверных петель. Эхо повторило его.

Оставшуюся часть пути Лена проделала ускоренным шагом, стараясь смотреть прямо перед собой или под ноги. Ещё не хватало какого-нибудь Вия тут увидеть, решила женщина.

Спустя полчаса она наткнулась на заросшую вьюном и всё тем же кустарником с розовыми цветками ржавую ограду, былой цвет которой сейчас определить было невозможно. Она отделяла лес от территории старого Красносельского кладбища. Над покосившимися каменными надгробиями и деревянными крестами стелился густой туман.

- Ну конечно, как же без этого, - пробормотала Лена, невольно вспоминая фильмы ужасов, где главные герои, словно подхватив вирус тупости, за каким-то чертом тащились на кладбища и в склепы, где их непременно встречали оборотни, злобные карлики или зомби. И обязательно съедали большую часть группы.

Туман бережно принял Лену в свои объятия и даже, как ей показалось, немного рассеялся, когда она стала продвигаться вглубь, лавируя между теми местами, где, судя по невысоким холмикам и более густой растительности, когда-то располагались могилы.

«Южная часть – справа от входа, - объяснял Геннадич. – Как войдешь, иди вправо. Дойдешь до Медвежьего холма (*и почему меня не насторожило название?! спрашивала себя Лена, перешагивая через упавшее надгробие*), там и южная часть. По склону ищи свою (*свою?!!*) могилу».

Дятел умолк. Сумрак сгустился. Бабочек и пчел больше не было видно. Хлопья тумана постоянно передвигались, словно под действием неощутимых воздушных потоков. Сам воздух стал спертым и тяжелым, его приходилось с

усилием проталкивать в легкие, чтобы не задохнуться. Каждый кусочек кожи источал пот, одежда намочла и прилипла к телу. Пышные курчавые волосы, которыми Лена так гордилась, выбились из-под кепки и безобразно торчали в стороны, отдельные пряди облепили лицо. Бедра гудели. Манжеты спортивных штанов задрались кверху, и лодыжки, по которым хлестала трава, беспощадно чесались.

Когда наметился подъем в гору, могилы закончились. Этот – последний – ряд и был ей нужен.

Лена сняла кепку, стянула волосы в тугий «хвост» и, тяжело дыша, двинулась вдоль поросших мхом и травой надгробий. Попадались и совсем сгнившие деревянные православные кресты, где между расползающимися волокнами копошились белые личинки, и металлические пластины с именами и годами жизни умерших, и большие каменные глыбы, на которых угадывались даже бледные фотографии.

Яму не заметить было трудно. Большим черным, будто бездонным, отверстием зияла она в пространстве между могилами. С её краев, как обвисшие в бессилии руки с обрубленными кистями, свешивались корни растений, позади, на склоне холма, высилась гора наваленной земли, из которой торчали черенки двух лопат.

Когда глаза привыкли к темноте, Лена заметила, что стенка слева действительно обвалилась, обнажив край сгнившего гроба. Женщина огляделась. Туман как будто поднялся выше и продолжал шевелиться уже на уровне головы, ещё более затрудняя дыхание. Тогда Лена пригнулась и приблизилась к надгробию над обвалившейся могилой. Это была небольшая металлическая пирамида, плотно затянутая мхом. Рядом с ней, в полуметре, стояло ещё одно такое же надгробие.

Лена подобрала с земли палку и принялась счищать с лицевой стороны пирамиды мох. Постепенно она увидела пластину с высеченными на ней буквами. Чтобы прочесть написанное, пришлось стереть остатки грязи руками. Надпись гласила:

ЧЕРМЯШИНА АНАСТАСИЯ ЕГОРОВНА

15/IX/1893 – 28/VII/1918

И всё. Никаких эпитафий, вычурных стишков или претендующих на философские афоризмы фраз.

«Всё-таки ей двадцать четыре», - подумала Лена, высчитав в уме возраст. А голос звучал моложе. «Неужели ты думаешь, что это она тебе и звонила?! - одернула девушка сама себя. – Но это же бред! Она умерла сто лет назад!».

И тут Лену словно окатило ледяным душем.

РОВНО сто лет назад!

«Сегодня двадцать восьмое июля две тысячи восемнадцатого года! Неужели простое совпадение?», - думала женщина.

Лена очистила второе надгробие. Надпись говорила о многом:

ЧЕРМЯШИН ДМИТРИЙ СЕМЁНОВИЧ

23/II/1890 – 28/VII/1918

Муж. Двадцать восемь лет. Умерли в один день. Вероятно, убиты. Возможно, у них не было детей. А если были? Живы ли сейчас их внуки? Знают ли об этой могиле? Можно было только догадываться.

Лена достала телефон и сфотографировала оба надгробия, наверняка установленные родственниками погибших взамен старых деревянных крестов.

Размышляя о судьбе этих молодых людей и о том, зачем им нужно здесь её присутствие, женщина присела на пенёк аккуратно перед могилами.

Туман поднялся ещё выше, окутывая теперь кроны деревьев.

Наверное, следовало закопать яму, чтобы восстановить обвалившуюся стенку могилы, ведь об этом просила девушка (*Анастасия*), каким-то фантастическим образом позвонившая ей по телефону. Объем работы ужасал, но Лена полагала, что справится с этим. Кому и для чего понадобилось выкапывать ещё одну могилу? Девушка говорила, что копали сотрудники «Никольского». Разве могла она *оттуда* видеть землекопов?

Внезапно слух Лены выхватил из тишины кладбища посторонние звуки.

Кто-то разговаривал. Вполне человеческими мужскими голосами. Судя по менявшимся интонациям, говоривших было двое, и они переругивались. Вглядевшись в сумрак, Лена увидела, что мужчины двигались со стороны входа на кладбище и, переступая через могилы, медленно приближались к тому месту, где она сидела. Они несли что-то тяжелое, один держал спереди, другой – сзади. По мере их приближения женщина разглядела сине-желтую униформу землекопов «Никольского» бюро.

«Вот кто копал яму, - подумала она. – И сейчас они закопают здесь то, что несут».

Догадка о том, что бы это могло быть, напугала Лену почище призрачного силуэта в лесу. Она поняла, что любой свидетель рискует разделить могилу с погребенным.

Лена плюхнулась на четвереньки и поползла в сторону огромного ствола сваленного непогодой и временем дерева в нескольких метрах от захоронения четы Чермяшиных. Перекатившись через ствол, она привалилась к нему спиной и прижала к груди рюкзак, стараясь замереть и не издавать ни звука.

Голоса приближались. Теперь женщина отчетливо слышала: одному не нравилось, что его напарник слишком торопится, отчего первый цепляется ногами за кочки, обвиняемый же всюю доказывал тому, что он слюнтяй и нытик, и не следовало его с собой брать, а лучше Коляна, ведь Колян – мужик. Они остановились у ямы и замолкли. Дважды щелкнула зажигалка, в сторону Лены потянуло табачным дымом.

Осторожно, стараясь не издавать ни звука, она отложила в сторону рюкзак и медленно поползла на животе к мощной корневой системе дерева, когда-то прочно удерживавшей исполинское растение в земле. Корни причудливо переплетались между собой, образуя своего рода клетку, между прутьями которой не всякий зверь смог бы протиснуться. Одно из таких отверстий позволяло Лене, сжавшись в комок, наблюдать за происходящим с минимальным риском быть замеченной.

Землекопы молча курили. У их ног лежал черный полиэтиленовый мешок с чем-то крупным, длиной (*в человеческий рост*) около двух метров. Лена не могла припомнить их лиц. Вроде бы не видела этих людей раньше. Конечно, ведь они для неё были только ФИО и дата рождения в таблице. Закончив, мужчины бросили окурки в яму. Тот, что был повыше и покрепче, взялся за ближний к нему конец мешка, второй – вероятно, тот, вместо которого нужно было взять Коляна – подхватил другой.

- И ррраз, - сказал высокий.

Мешок шлепнулся в яму. Лена вздрогнула.

Первые комья земли, сбрасываемые вниз теми самыми лопатами, мерзко стучали по полиэтилену и тому, что было внутри. Без сомнения, это было самое противное из всего, что Лена слышала в жизни. Когда слой почвы покрыл кошмарную тайну, в спертom воздухе старого заброшенного кладбища разносились только звуки вонзаемых в грунт лопат.

Женщина отползла к рюкзаку.

Появление этих двоих вызвало ещё больше вопросов, чем казалось сначала. Почему землекопы «Никольского» участвуют в тайном захоронении каких-то трупов? Сколько здесь ещё закопано людей, за которыми смерть пришла раньше срока, и чьи родственники никогда не получают их тела, чтобы похоронить, как положено? Не об этом ли на самом деле предупреждала её Анастасия?

Через некоторое время стук лопат прекратился, и мужчины опять закурили.

- Чё там шеф говорил, надо кого-то ещё тут закапывать? – спросил один.

- Тебе какое дело? – огрызнулся другой. – Всё равно я тебя больше не возьму. Коляна возьму. Колян – мужик.

Оба помолчали.

- Да не гони, - умиротворяющим тоном сказал первый. – Мне бабки во как нужны.

- Тут больше никого не будем, - после небольшой паузы ответил напарник.

– Тут и так уже человек двадцать зарыли. Палево.

- А где тогда?

- Не знаю. Он не сказал. Какая разница вообще? Пошли.

И, негромко переговариваясь, они стали удаляться. Когда Лена подняла голову из своего укрытия, их уже не было ни видно, ни слышно.

Туман совсем растворился. Над ухом женщины зажужжал комар, и она инстинктивно шлепнула себя по щеке.

Лена вышла к свежей могиле, с замиранием сердца понимая, что сейчас там лежит чей-то (*муж, отец, сын?*) родственник, а она никак не вмешалась в происходившее. С другой стороны, что могла она, сотрудник отдела кадров похоронного бюро, против двух землекопов, похоронивших за свою жизнь больше людей, чем она оформила на работу? Пускай один из них был нытиком и в подметки не годился Коляну.

Лена очистила могилы Димы и Насти от веток, сухих листьев и травы, платком стерла с надписей оставшуюся грязь так, чтобы они четко читались. Потом зачем-то перекрестилась, не будучи уверенной, что делает это правильно, и двинулась в обратный путь.

***

Всё утро понедельника Лена не находила себе места. Работа не шла, цифры на мониторе расплывались, концентрация не включалась. Чувство вины за свое бездействие прочно обосновалось в груди, то вспыхивая сильнее, то спадая до едва ощутимого покалывания.

Как только телефон зазвонил, она схватила трубку и закричала:

- Настя! Настя! Это ведь ты, да?! Ты, Настя?

- Спасибо, - знакомый голосок зазвучал спокойно и размеренно. – Вы помогли.

- Господи, Настя! Я ничего не сделала! Как это, скажи? Как ты мне звонишь?

- Но вы знаете, что это не всё, - настойчиво продолжила девушка. – Вы знаете, что нужно сделать.

- Я... не совсем понимаю... - не своим голосом сказала Лена. – Настя! Погоди!

В трубке было тихо.

- Как вы погибли? Вы с Димой.

Молчание.

Из угла глаза Лены выкатилась слеза, и она тут же размазала её по щеке.

- Мне так жаль, Настенька... - всхлипнула она. – Мне так жаль...

- Вы знаете, что делать дальше, - повторила Настя. – Спасибо вам.

Связь оборвалась.

Мысли роились в голове Лены, обгоняя одна другую. Она понимала, что не может оставить дело просто так, теперь не может. Она ответственна за произошедшее на кладбище ничуть не меньше, чем землекопы в желто-синих комбинезонах. Она может бросить работу, эту бессмысленную работу по сведению одних цифр с другими и сделать смыслом своей жизни нечто большее. Что значительного в том, что она вписывает в личные дела ненужные поощрения престарелым зрителям вроде Фёдора Геннадьевича?

В кабинет заглянули. Это был Виктор Семёнович, зам главного.

- Елена Сергеевна, сегодня крайний день сдачи отчета, жду до четырех, - начал он сугубо официально, но затем нахмурился и сменил тон. – А ты чего ревёшь?

- Вик... - Лена поперхнулась, сглотнув подкативший к горлу ком. – Виктор Семёнович, всё хорошо. Правда.

Она быстро вытерла слезы бумажной салфеткой и сделала попытку улыбнуться. Начальник внимательно изучил её лицо, скрестил руки на груди. Рукава синего, безупречно выглаженного костюма обнажили ослепительно белые манжеты рубашки, в петлях которых сверкнули перламутровые запонки.

- Не верю, - отрезал он. – Рассказывай.

- В общем... - Лена блуждала взглядом по крышке стола, подыскивая слова. – У вас не бывает такого, что нужно сделать что-то... И Вы знаете, что по-другому никак... А никто не оценит и... возможно даже кто-то осудит, а кому-то это очень не понравится... А не сделать нельзя... потому что совесть и... сострадание и ещё куча всего... - Лена подняла глаза на Виктора Семёновича. – Понимаете, о чем я?

- Ты не приболела? – спросил заместитель. – Вид больной.

- Нормальный у меня вид, - удивилась Лена. – Я же про другое спрашиваю.

- Раз не приболела, значит, отчет к шестнадцати сдашь?

У Лены отвисла челюсть.

- Зачем вы попросили рассказать, если вам нужен только отчет?

- Чтобы убедиться, что ты его сдашь, - с невозмутимым видом ответил Виктор Семёнович. Запонки снова сверкнули.

- Можете не сомневаться, - сказала Лена, надеясь, что сарказм в её голосе не ускользнул от начальника. – Непременно сдам.

Когда зам ушел, она открыла папку «Отчеты». Немного помешкав, создала новый документ, в правом верхнем углу написала: *«Начальнику Красносельского отдела полиции от...»* и задумалась.

Всё так же мерно гудел кондиционер, размахивала лапкой кошка, за дверью кабинета слышались звуки шагов и голоса коллег. Где-то на заброшенном кладбище двое мужчин в желто-синей робе, наверное, закапывали очередной труп, а кто-то получал за это денежный перевод с шестью нолями. И ведь всё могло продолжаться именно так, если бы не тот самый телефонный звонок.

Лена вернулась к документу. Сомнения ушли вместе с Виктором Семёновичем.

Отчет, вероятно, откладывался.